

© 2019 г.

А. М. ХАЗАНОВ

ЭФИОПСКО-СОМАЛИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1977—1978 годов

Хазанов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640002058-1

Война между Эфиопией и Сомали 1977—1978 гг. явилась непосредственным результатом попытки сомалийских лидеров осуществить свои националистические планы создания «Великого Сомали» путем отторжения от Эфиопии района Огадена, населенного сомалийцами.

В основе эфиопско-сомалийского территориального конфликта лежат два совершенно различных типа национализма, причем оба они имеют исторические корни еще в доколониальной эре. Эфиопский национализм имеет политическую основу, он базируется на легитимности Эфиопской империи как старейшего независимого государства черной Африки. Сомалийский национализм преимущественно этнического и культурного происхождения, базирующийся на гомогенности сомалийского этноса.

Племена сомалийских кочевников, живших веками на территории Африканского Рога, были разделены на пять частей в результате колониальной экспансии Англии, Франции и Италии в конце XIX — начале XX в. Эфиопия, превратившаяся в региональный «центр силы», после поражения Италии в 1896 г. в битве при Адуа, присоединила к себе Огаден, название которого происходит от имени господствующего в этих местах сомалийского клана.

Колониальный раздел и колониальные границы, рассекавшие Африканский Рог, долгое время делали бесперспективными и тщетными националистические устремления сомалийцев, принявшие форму пансомалийских ирредентистских претензий на соседние территории. Для сомалийского народа характерны такие черты, как общность языка и культуры, традиций и обычаев, а главное — общность истории. Кроме того, в Сомали в основном единая мусульманская религия, которую исповедуют более 99,5 % сомалийцев. Число христиан-католиков не превышает нескольких сот человек. Более того, сомалийцы стали нацией прежде, чем образовалось единое государство, она насчитывает более 5 млн чел. В Сомали проживает лишь 1/3 сомалийцев, остальные живут в Огадене, Хауде в Эфиопии, на северо-востоке Кении, в Джибути. Их пансомалийские чувства глубоки, непоколебимы и имеют прочную основу. Пансомалийская идея наряду с исламом стала доминирующим фактором, который определяет национальное сознание сомалийского народа. Эта идея имеет для сомалийцев священный и трансэпохальный характер. Хотя в Сомали с 1960 г. не раз происходили радикальные политические перемены, ни одно правительство не осмелилось отказаться от лозунга «Великого Сомали». Еще в 1943 г., когда была создана Лига младосомалийцев, ее главной целью было объявлено «объединение сомалийской нации».

Когда в 1959 г. было сформировано первое правительство Сомали, компетенция которого еще была сильно ограничена итальянской администрацией по опеке, его глава Абдуллахи Исса объявил его задачей «объединение страны под одним знаменем»¹. Эта цель провозглашалась во всех конституциях независимой респуб-

¹ Цит.: по Хазанов А. М. Сомалийская республика (исторический очерк). М., 1961, с. 76.

лики Сомали. В одном из официальных документов говорилось: «Очевидно, что объединение всех сомалийцев под одним флагом всегда было первой целью всякого ответственного человека»².

Используя любую возможность для легитимации и продвижения идеи Великого Сомали, сомалийские националисты утверждали, что нет ценности или цели, которая была бы равна или выше идеи Великого Сомали. Их главный аргумент состоял в том, что «гомогенная сомалийская нация, общий язык, культура, история, традиции и религия которой усиливают ее уникальное единство, сформировалась в четко очерченную автономную общность еще до раздела Англией, Францией, Италией и Абиссинией во второй половине прошлого века»³.

Что касается эфиопов, то их национальные чувства основаны не на культурном и этническом единстве, а на территориальной общности и раннем развитии государства. Постоянная вооруженная борьба Эфиопии за территориальную целостность также содействовала развитию политического национализма. Что касается Огадена, Эфиопия основывала свои претензии на него на простом факте, что ее императоры имели суверенитет над этой территорией, а также на соглашениях о границе, подписанных с итальянцами и англичанами и на тысячах жертв, принесенных эфиопами при обороне Огадена против итальянских захватчиков в 1935—1936 гг. Позиция Эфиопии, изложенная на 1-й сессии Организации африканского единства (ОАЕ) в 1964 г., заключается в том, что единой исторически сложившейся сомалийской нации не существует и что сомалийцы были просто одним из многих меньшинств в Эфиопии.

Эфиопско-сомалийский конфликт возник как следствие по-разному обосновываемых территориальных претензий на Огаден.

Антагонизм между Аддис-Абебой и Могадишо углубился в ходе долгих войн между мусульманскими и христианскими народами Африканского Рога. В 1974 г. Сомали подчеркнула свою исламскую идентичность, присоединившись к Лиге арабских государств, которая выразила поддержку концепции Великого Сомали, а также поддержала эритрейских повстанцев, надеясь превратить Красное море в «арабское озеро». Обострению конфликта способствовали также открытие залежей природного газа в Огадене и юридический спор относительно точного проведения колониальных границ между Эфиопией и Сомали⁴.

Свою лепту в обострение эфиопско-сомалийского конфликта внесли сверхдержавы — СССР и США. Американская исследовательница М. Оттауэй в этой связи отмечала: «Основной причиной вовлеченности в конфликт для обеих стран безусловно является присутствие другой страны в районе Африканского Рога... Желание уравновесить присутствие друг друга было доминирующим для каждой из двух великих держав в период конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами в данном регионе»⁵.

Решительная позиция СССР в отношении апартеида и колониализма, его поддержка национально-освободительного движения вызывали широкое одобрение в Африке. К 1979 г. практически каждое независимое государство в Тропической Африке получало либо военную, либо экономическую помощь от Москвы, хотя последняя в большинстве случаев была чисто символической.

Распространению советского влияния в Тропической Африке содействовали не только антизападные настроения широких масс населения, но и радикальные, зачастую промарксистские воззрения новых правящих элит. «Советская модель развития» была весьма притягательной для многих африканцев, имевших различные политические убеждения, поскольку они разделяли мнение, что будто бы именно благодаря марксизму-ленинизму отсталая Россия превратилась во вторую

² *Wolde-Mariam M. Somalia. The Problem Child of Africa. Addis Ababa, 1977, p. 16.*

³ *Ibid., p. 17.*

⁴ *Touval S. Somalia. London, 1965, p. 154—163.*

⁵ *Ottaway M. Soviet and American Influence in the Horn of Africa. New York, 1982, p. 137.*

величайшую индустриальную державу мира. Во многих развивающихся странах быстро поняли, что достаточно ввести политическую систему, похожую на советскую, и начать критиковать американских империалистов, как пойдет помощь из Советского Союза.

У СССР были теплые отношения с императором Эфиопии Хайле Селассие на протяжении всего периода его правления. В Сомали советские позиции сильно укрепились после военного переворота в Могадишо в 1969 г. и прихода к власти Мохаммеда Сида Барре. Новый сомалийский режим провозгласил социалистическую ориентацию. Сиад Барре обратился к Москве с просьбой о поставках оружия, а в 1972 г. предоставил СССР права на использование военно-морской базы в Бербере. В феврале 1972 г. Сомали посетил советский министр обороны маршал А. А. Гречко, 11 июля 1974 г. Сомали и СССР подписали договор о дружбе и сотрудничестве. СССР предоставил Сомали значительную военную помощь, а советские советники были в сомалийских войсках вплоть до уровня батальона⁶. Взамен Советский Союз получил новые возможности по использованию военно-морской и военно-воздушной базы в Бербере.

Военные расходы и подготовка к войне с Эфиопией самым отрицательным образом отразились на уровне жизни населения Сомали. Вместо того чтобы вкладывать средства в развитие человеческих и материальных ресурсов страны, сомалийское правительство расходовало средства на покупку вооружения. «Для такой бедной страны, как Сомали, курс на войну с соседями столь же неразумен, как упоминаемое в эфиопской поговорке желание плеваться, лежа на спине»⁷.

С февраля 1974 г. Сомали, как уже говорилось, стала членом Лиги арабских государств. Это дало новый импульс экспансионистским устремлениям Верховного революционного совета, вынашивавшего планы создания Великого Сомали путем отторжения части территории соседних государств, населенных преимущественно сомалийцами (Огаден в Эфиопии, Северо-Восточная провинция Кении, территория Джибути). Поэтому на государственном флаге Сомали изображена белая пятиконечная звезда.

Эта ситуация еще более осложнилась, когда в 1974 г. был свергнут Хайле Селассие. Новые эфиопские руководители придерживались все более просоветской и антиамериканской ориентации и стали стремиться к тесным связям с Москвой. Весной 1975 г. они направили в Москву секретную миссию, состоявшую из военных и гражданских лиц. Ее целью было выяснение возможностей советской военной помощи. Эта делегация встречалась с Гречко, Косыгиным и другими советскими руководителями. Согласно одному источнику «советские представители задали несколько вопросов об оборонительных нуждах Эфиопии и о революции. Они не выразили энтузиазма в отношении поставок оружия, но проявили интерес к дальнейшему изучению вопроса. Они, в частности, высказали озабоченность будущей направленностью революции, намекнув, что присутствие нескольких прозападных фигур в правительстве затруднит поставку большого количества оружия. Но прямого отказа не последовало»⁸.

В сентябре 1975 г. имел место новый секретный визит эфиопской военной делегации в Москву. Снова советские лидеры дали понять, что присутствие «определенных элементов» в Высшем Военном Административном Совете (ВВАС) сужает их возможности в деле поставок оружия. Об этом постоянно говорил руководству ВВАСа и советский посол А. П. Ратанов. Хотя из Аддис-Абебы непрерывно шли запросы, в течение нескольких недель Москва не давала ответа. Пригласив для беседы эфиопского посла, А. А. Громыко сказал ему, что СССР окажется в трудном

⁶ Henze P. B. Getting a grip on the Horn: The Emergence of the Soviet Presence and Future Prospects. — The Pattern of Soviet Conduct in the Third World. New York, 1983, p. 168.

⁷ Wolde-Mariam M. Op. cit., p. 79.

⁸ Porter B. D. The USSR in Third World Conflicts, Soviet Arms and Diplomacy in Local Wars. 1945—1980. Cambridge, 1984, p. 192.

положении, если, поставляя оружие Эфиопии, создаст проблемы для Сомали. Когда, наконец, Москва откликнулась на просьбы ВВАС, она согласилась поставить только некоторые типы военных материалов, используемые и для гражданских, и для военных целей, такие, как средства наземного транспорта и небольшие транспортные самолеты. Москва просила прислать делегацию для дальнейших переговоров. Этот ответ Москвы вызвал нескрываемое раздражение ВВАС. «Мы сообщили русским о нашем недовольстве в недвусмысленных выражениях и отказались послать делегацию», — вспоминает один из деятелей ВВАС⁹. Советско-эфиопские отношения были в состоянии стагнации, пока Аддис-Абеба пыталась купить оружие у Франции, Югославии и в США. Постепенно, однако, наметился прогресс, и делегация ВВАС во главе с капитаном Уолде Макаэлем посетила СССР в июле 1976 г.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял делегацию, которая затем вела переговоры с А. А. Громыко, Б. Н. Пономарёвым и И. В. Архиповым. В коммюнике отмечалось, что переговоры проходили в «дружеской атмосфере и в духе взаимопонимания». Советская сторона выразила одобрение революционных реформ и согласилась «расширить подготовку эфиопских национальных кадров в различных областях и специальностях, принимая эфиопов в советские учебные заведения и посылая советских преподавателей в Эфиопию»¹⁰. Во время этих переговоров вопрос о советской военной помощи, судя по всему, не обсуждался. Однако вскоре прошли дополнительные переговоры о поставках оружия, и 14 декабря 1976 г. в Москве было подписано секретное соглашение, которое предусматривало поставку Эфиопии на 100 млн долл. так называемого «оборонительного» оружия: зенитных орудий, артиллерии, противотанковых ракет и т.п. Эфиопская делегация встречалась с министром обороны Д. Ф. Устиновым и другими советскими официальными лицами.

Однако на этой ранней стадии эфиопо-сомалийского конфликта Москва стремилась добиться разрядки в отношениях между Аддис-Абебой и Могадишо. В качестве посредников были использованы кубинцы. В марте 1977 г. Рог Африки с посреднической миссией посетил Ф. Кастро. С 12 по 14 марта он был в Могадишо, а 15 марта прибыл в Аддис-Абебу. На следующий день он секретно посетил Аден, где встречался с эфиопским, сомалийским и южнойеменским лидерами. По словам Сиада Барре, который предал гласности факт этой встречи, Кастро «предложил своего рода федерацию между двумя марксистскими государствами»¹¹.

Позже в интервью газете «Аль-Ахрам» Барре рассказал, что план Кастро был амбициозным проектом создания федерации марксистских государств Красного моря, в которую вошли бы Эфиопия, Сомали, Эритрея, Джибути и Южный Йемен. Однако Барре отверг предложение Кастро, сказав ему, что ВВАС состоит не из марксистов, а из «фашистских империалистов». Кастро уехал, убежденный, что эфиопы более истинные марксисты, чем сомалийцы, поскольку приняли предложенный им план федерации¹².

Незадолго до визита Кастро к власти в Эфиопии пришел Менгисту Хайле Мариам. Вскоре из ВВАС были устранены прозападные элементы. Таким образом, долгие и упорные усилия Москвы поощрить самые радикальные элементы ВВАС и устранить прозападных офицеров принесли свои плоды. К власти пришли просоветски настроенные офицеры. 23 апреля 1977 г. они обратились с просьбой к Вашингтону закрыть в течение нескольких дней американскую станцию слежения в Кэгнию и информационный центр в Аддис-Абебе. 27 апреля Пентагон объявил о прекращении всех поставок оружия в Эфиопию, включая те, которые уже были оплачены.

⁹ Ibid., p. 192, 193.

¹⁰ Текст коммюнике см.: Правда, 14.VII.1976.

¹¹ Washington Post, 17.V.1977.

¹² Porter B. D. Op. cit., p. 195.

Такое развитие событий подтолкнуло Эфиопию к заключению в мае 1977 г. соглашения с Москвой о военной помощи¹³.

В начале мая Менгисту, наконец, нанес долго откладывавшийся официальный визит в Москву. 4 мая на обеде в Большом Кремлевском дворце его приветствовал председатель Президиума Верховного Совета СССР (официально — глава советского государства) Н. В. Подгорный, говоривший об укреплении советско-эфиопского сотрудничества, а Менгисту провозгласил целью эфиопской революции «строительство прочного фундамента перехода к социализму» и создание народно-демократической республики». Менгисту обсудил международную ситуацию с Громыко и Устиновым¹⁴. Согласно эфиопским источникам, Менгисту лично не встретился с Брежневым, а только говорил с ним по телефону, что очень огорчило эфиопскую делегацию¹⁵.

На этих встречах, видимо, обсуждалось соглашение о продаже оружия, которое было подписано через неделю. Это было одно из крупнейших соглашений о продаже оружия, когда-либо заключенных между СССР и страной «третьего мира». Западные источники оценивали его сумму в 350—450 млн долл. Но компетентный эфиопский источник оценивал ее выше. Это соглашение было заключено на четыре года и предусматривало поставки оружия до 1981 г. Согласно вышеупомянутому источнику, «Советы не хотели подписывать это соглашение об оружии, пока не будут подписаны определенные политические документы, в том числе Декларация о дружбе. Хотя Советы сопротивлялись, эфиопская сторона настаивала на включении пункта о снижении цены за МИГи и об отсрочке платежей. Советы же утверждали, что отдают МИГи за полцены»¹⁶.

«Политическими документами» были совместное коммюнике, Протокол об экономическом и техническом сотрудничестве, консульская конвенция и Декларация о принципах дружеских отношений и сотрудничества. Декларация о принципах отразила безусловную поддержку Москвой эфиопской позиции по Огадену, подчеркнув важность «территориальной целостности государств и незыблемости государственных границ»¹⁷.

В это время восстание в Эритрее достигло беспрецедентных масштабов, а Фронт освобождения Западного Сомали (ОЗС), опираясь на поддержку Могадишо, начал наступление с целью отторжения Огадена от Эфиопии. Когда это произошло, Сиад Барре получил послание из Вашингтона через своего личного врача Кевина Кахилла, из которого узнал, что в Вашингтоне рассматривают вопрос о снабжении Сомали оружием¹⁸. Всякие сомнения о правдивости этой информации отпали, когда 11 июня 1977 г. президент США Дж. Картер заявил, что он склоняется к тому, чтобы дать отпор «агрессивным поползновениям» Советского Союза установить свое влияние во многих районах мира, включая Сомали¹⁹.

Через несколько дней госдепартамент объявил, что США, проконсультировавшись со своими союзниками, в принципе готовы продать «оборонительное оружие» соперникам Эфиопии Сомали и Судану. По данным журнала «Time», Картер просил своего вице-президента У. Мондейла поручить госсекретарю и советнику по национальной безопасности «сделать все возможное, чтобы Сомали стала нашим другом»²⁰. Тогда Сиад Барре пришел к заключению, что эти сигналы из Ва-

¹³ Vance C. *Hard Choices: Critical Years in American Foreign Policy*. New York, 1983, p. 73.

¹⁴ Правда, 5.V.1977; Известия, 7.V.1977.

¹⁵ Porter B. D. *Op. cit.*, p. 196.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Правда, 9.V.1977.

¹⁸ Halliday F. *US Policy in the Horn of Africa: Aboulia or Proxy Intervention? — Review of African Political Economy*, 1977, v. 4, p. 9.

¹⁹ *Weekly Compilation of Presidential Documents*, v. 13, № 25, p. 866.

²⁰ Time, April 1977, p. 35.

шингтона гарантируют ему американскую поддержку и в июле 1977 г. направил войска в Огаден.

В течение лета 1977 г. действия сомалийских партизан в пустыне Огадена переросли в межгосударственный конфликт между Сомали и Эфиопией. 23 июля Сомали ввела войска в Эфиопию, намереваясь отторгнуть у нее Огаден. Экипированные современным советским оружием, тысячи солдат регулярных сомалийских войск вторглись в Огаден, объединившись с поддерживаемой Могадишо партизанской армией Фронта освобождения Западного Сомали (ФОЗС), который уже контролировал часть восточного Огадена.

Эфиопское руководство в это время столкнулось с большими трудностями из-за широкой внутренней оппозиции своему режиму и необходимости отвлекать значительные военные ресурсы на Эритрею, где шла война за независимость. Казалось, что сомалийцы овладеют Огаденом не позже середины сентября 1977 г., и многие специалисты предсказывали неминуемый распад Эфиопии. Брежневское руководство оказалось, таким образом, перед дилеммой: поддержать экспансионистские претензии Сомали на эфиопскую провинцию Огаден означало потерять Эфиопию, а встать в этом конфликте на сторону Эфиопии неизбежно означало разрыв с Сомали. По мере того как конфликт разрастался, СССР постепенно отказывался от нейтралитета и все больше склонялся на сторону Эфиопии.

Возникает вопрос: почему в конфликте на территории Африканского Рога СССР решил поддержать Эфиопию? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дает французский политолог М. Мару, который пишет: «Москва предпочла Эфиопию Сомали. Страна с большей численностью населения, чем Сомали (30 млн человек против 4 млн), располагающая армией, которая имела численное превосходство, и в особенности исповедующая чистый и последовательный марксизм, Эфиопия соответствовала идеалу союзника, о котором могут только мечтать руководители в Кремле. Это именно такой союзник, ради которого жертвуют всем, например, правом народов распоряжаться собственной судьбой. Движения, боровшиеся за независимость Эритреи и пользовавшиеся поддержкой Москвы, испытали это на себе»²¹.

В конце августа 1977 г. в Москву прилетел Сиад Барре, но он не смог договориться с кремлевскими лидерами. В середине октября советский посол в Эфиопии Ратанов заявил, что СССР прекратил поставки оружия Сомали. Вслед за этим 13 ноября 1977 г. последовал неизбежный разрыв. После десятичасового совещания ЦК Сомалийской социалистической революционной партии приказал всем советским и кубинским военным советникам в течение недели покинуть страну, закрыл советскую военно-морскую базу в Бербере, запретил советским гражданам посещать военные объекты в Сомали и аннулировал Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный с СССР в 1974 г. Дипломатические отношения с Гаваной (но не с Москвой) были прерваны²².

Возникает вопрос: почему Сиад Барре пошел на фактический разрыв отношений с Москвой и Гаваной? Можно предположить, что ему стали известны закулисные переговоры, которые имели место между советскими, кубинскими и эфиопскими лидерами. В конце октября Менгисту побывал в Гаване. Через несколько дней Рауль Кастро присутствовал в Москве на торжественном собрании, посвященном 60-й годовщине Октябрьской революции, на этом же собрании присутствовала эфиопская делегация во главе с членом ВВАС Берхану Байе. Таким образом, в Москве, видимо, имели место трехсторонние переговоры, в которых участвовали кубинские и эфиопские генералы. Это может служить доказательством того, что по крайней мере возможность широкомасштабного вмешательства обсуждалась за

²¹ *Mahroug M.* Andropov et les limites de la politique africaine de Moscou. — *Information économique Africaine*, 1983, № 119, p. 23.

²² *The New York Times*, 14.XI.1977.

неделю до изгнания сомалийцами советских и кубинских советников. Об этом, по-видимому, стало известно Сиаду Барре, что и заставило его принять решение о разрыве. После изгнания из Сомали иностранных советников советский посол в Могадишо сказал о сомалийцах: «Мы поставим их на колени»²³. Через четыре дня в Эфиопию прибыл генерал армии (впоследствии маршал) В. И. Петров, который возглавил проведение операции против сомалийцев.

Незадолго до этого политбюро ЦК КПСС приняло решение об оказании Эфиопии военной помощи, необходимой для отражения агрессии. Были созданы ширококомасштабные воздушные и морские «мосты» для переброски оружия, сравнимого по количеству с оружием, поставлявшимся Народному движению за освобождение Анголы во время конфликта в этой стране²⁴.

Начало снабжения Эфиопии оружием совпало с пиком сомалийского штурма Харара. К концу ноября сомалийские войска вынуждены были отступить от Харара. Сухопутное сражение кончилось в декабре, но Эфиопия нанесла ряд воздушных ударов по пограничным городам в северном Сомали.

Как и во время ангольского кризиса, Москва действовала в тесной кооперации с Гаваной. 16 тыс. кубинских солдат участвовали в эфиопском наступлении. Фидель Кастро предоставил обученный персонал, необходимый для использования советского оружия, а также группу военачальников, возглавленную двумя советскими генералами для планирования и руководства кампанией в Огадене. Многие советские офицеры попросту перешли границу и присоединились к эфиопским войскам, сражавшимся против сомалийской армии, которую они вооружили и обучили. Стоимость советской военной помощи Эфиопии превысила 1 млрд долл.²⁵

В начале января 1978 г. в Эфиопию прибыл Рауль Кастро, который провел несколько дней в бывшем дворце Хайле Селассие. Его поездка была, вероятно, связана с инспекцией кубинских войск и подготовкой присылки новых крупных военных контингентов. В феврале началась высадка кубинских солдат. Это было связано со второй попыткой сомалийцев овладеть Хараром; особенно жаркие бои разгорелись 22 января 1978 г.

Усиленные кубинскими подразделениями, советскими танками Т-54 и Т-55 и истребителями-бомбардировщиками МИГ эфиопские войска отбили эту атаку и начали наступление от Харара и Диредава к Джиджигу и вдоль железной дороги к Джибути. В начале февраля сомалийское правительство объявило всеобщую мобилизацию, чтобы дать отпор «вторжению, предпринятому союзными русскими и кубинскими войсками», и впервые публично признало участие своей регулярной армии в войне. В середине февраля несколько эфиопских частей пересекли горы Ахмар между Джиджигом и сомалийской границей, перешли через сильно укрепленный перевал Гара Марда, в то время как советские вертолеты МИ-6 перебросили танки (по два в один раз) с другой стороны гор около Генасене (севернее Джиджига). Этот маневр позволил эфиопам выйти в тыл сомалийцам во время боев 28 февраля. Битва у Джиджига была крупнейшим и решающим сражением за все время войны. Сомалийцы понесли тяжелые потери. Была уничтожена целая бронетанковая бригада, 5 марта г. Джиджигу взят эфиопскими войсками. Разбитая сомалийская армия быстро отступила в Сомали, и в течение недели весь Огаден, кроме Келафо и Мустахилия, был освобожден. 9 марта Сиад Барре объявил, что все сомалийские войска выведены из Огадена. Война фактически закончилась.

Необходимо отметить, что расчеты сомалийского руководства получить американскую военную помощь, на которую намекал Картер в июне 1977 г., оказались построенными на песке. Незадолго до изгнания советских военных советников из Сомали в ноябре 1977 г., Сиад Барре уведомил Вашингтон, что в обмен на сотруд-

²³ Porter B. D. Op. cit., p. 199.

²⁴ Ibidem.

²⁵ The New York Times, 13.I.1978; *Matatu G. Ethiopia's Finest Hour.* — Africa, 1978, №19, p. 19—20.

ничество США он расторгнет договор с СССР и прервет с ним всякие военные связи. Ответ администрации Картера гласил, что хотя она хотела бы удовлетворить законные оборонительные нужды Сомали, она не может это сделать, пока сомалийские войска находятся в Огадене. Вскоре после изгнания советских советников Могадидшо вновь обратился к Вашингтону с просьбой о военной помощи. Но США рекомендовали Сомали согласиться на посредничество ОАЕ, искать мирное решение проблемы с помощью переговоров и дать соседним государствам гарантии уважения их территориальной целостности²⁶.

Еще в ноябре 1977 г. на встрече руководителей США, Великобритании, Франции и ФРГ возобладало мнение, что советская помощь Эфиопии вкупе с кубинскими военными советниками неизбежно приведут к изгнанию сомалийских войск из Эфиопии. Но советская и кубинская активность в Эфиопии породила разногласия в Вашингтоне, в частности, между советником по национальной безопасности З. Бжезинским и госсекретарем С. Вэнсом. Бжезинский считал, что война на территории Рога Африки давала США возможность измотать СССР, втянув его в бесконечную дорогостоящую борьбу. Поэтому он предлагал выбрать военный вариант, который должен был выразиться в широкомасштабном присутствии американских ВМС в регионе и в обеспечении американского воздушного прикрытия для сомалийских войск в случае, если эфиопские и кубинские войска пересекут границу Сомали²⁷.

В отличие от Бжезинского С. Вэнс и Э. Янг (представитель США в ООН) считали, что конфликт на Роге Африки не следует рассматривать в категориях противостояния Восток — Запад. Их аргументация сводилась к тому, что поддержка США Сомали вызовет отрицательную реакцию во всей Африке, придерживавшейся принципа нерушимости унаследованных от колониализма границ. Их точка зрения состояла в том, что этот конфликт требовал африканского решения и что США должны были подтолкнуть ключевые африканские страны к поиску его решения в рамках ОАЕ. В конце концов возобладала точка зрения С. Вэнса и Э. Янга, которая и была принята президентом Картером.

В ходе конфликта на территории Рога Африки Москве очень помогло то обстоятельство, что провозглашенный и твердо отстаиваемый ОАЕ принцип нерушимости существующих в Африке границ сделал советское вмешательство в этот конфликт правомерным и легко оправдываемым. В данном случае СССР защищал территориальную целостность африканского государства против агрессивных поползновений соседнего государства и мог быть уверен, что если Вашингтон вмешается на стороне Сомали, то он потеряет свои позиции в тропической Африке.

Таким образом, потерпев неудачу в своей попытке использовать «две опоры» на территории Рога Африки, Советский Союз однозначно встал на сторону Эфиопии. Советское и кубинское вмешательство изменило ход битвы в Огадене. Сомалийское наступление на Огаден было остановлено, а в начале 1978 г. сомалийцы были разгромлены и выбиты с территории Эфиопии.

Большинство африканских лидеров встало на сторону Эфиопии в споре из-за Огадена. Но поведение СССР в Эфиопии многими расценивалось как типичный империализм, поскольку великая держава встала на одну из сторон конфликта, преследуя собственную выгоду²⁸.

Репутация Кубы также пострадала, так как кубинские войска противостояли тем, кому они раньше помогали. Таким образом, за два года до советского вторжения в Афганистан престиж СССР и Кубы в Африке начал быстро падать.

²⁶ Vance C. Op. cit., p. 74.

²⁷ Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser 1977—1981. New York, 1983, p. 178.

²⁸ The Limits of Soviet Power in the Developing World. Thermidor in the Revolutionary Struggle. London, 1989, p. 342.